

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ВЗГЛЯД НА
ЛИТЕРАТУРУ НАШУ В
ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ
СМЕРТИ ПУШКИНА

Петр Андреевич Вяземский Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24501948

Аннотация

«Один из главных недостатков нашей литературы заключается в том, что наши грамотные люди часто мало образованны, а образованные часто малограмотны. У нас такой сложился порядок, что образованность сама по себе и грамотность сама по себе. Можно к этому еще прибавить, что нередко встречается дарование, при котором нет ума, и ум, при котором нет дарования...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Петр Вяземский

Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина

I

Один из главных недостатков нашей литературы заключается в том, что наши грамотные люди часто мало образованны, а образованные часто малограмотны. У нас такой сложился порядок, что образованность сама по себе и грамотность сама по себе. Можно к этому еще прибавить, что нередко встречается дарование, при котором нет ума, и ум, при котором нет дарования. У нас вообще всего труднее сводить концы с концами. Концы так врозь и так напряженно разрослись, что они расползаются, если захочешь их пригнать. По большей части пишут у нас те, которым писать нечего и не о чем. Те, которым писать было бы о чем, не имеют привычки или дичатся писать. Люди, не принадлежащие к разряду присяжных писателей, боятся выставить себя на показ, боятся причислить себя к известному ремеслу и вписаться в известный цех сочинительства. Сочинитель у нас

такая же отдельная личность, как, например, зубной врач. Недостает только вывески на месте жительства, но подразумеваемая вывеска не менее того бросается всем в глаза. Сочинитель не в силах скидывать ее с себя ни дома, ни на улице, ни в гостях. Он как-то и в семье своей сперва сочинитель, а там уже муж и отец. Это какой-то несмываемый первоуродный грех. Вообще многие не любят, чтобы именовали их по званию, а не по настоящей их личности. Каждый хочет непременно быть Василием Ивановичем или Иваном Кузьмичом, а и того лучше его высокоблагородием и его превосходительством, но уж никак не господином доктором, не господином профессором и т. д. Помню, например, как князь Иван Михайлович Долгоруков жаловался мне на покойного отца моего, который в разговоре обыкновенно именовал его: господин вице-губернатор, когда он занимал эту должность в Пензе, а мой отец был генерал-губернатором нижегородским и пензенским. Видно, что это неудовольствие крепко засело в память и душу его; ибо оно отозвалось по миновании многих лет. Пушкин также не любил слыть в обществе стихотворцем и сочинителем. Таковым охотно являлся он в кабинете Жуковского или Крылова. Но в обществе хотел он быть принимаем как Александр Сергеевич Пушкин. Понимаю это. Но если уже и он, достигнувший славы *сочинительством*, как бы чуждался патента на нее, то каково же другим второстепенным сочинителям, но людям рассудительным, навязывать на себя эту цеховую бляху, только что не

под номером. Что-то похожее было и со мною. Однажды, летом, заехал я на дачу к графу Кутайсову, который жил тогда у тестя своего, светлейшего князя Лопухина. Пока я ожидал в передней, чтобы доложили обо мне, слышу, как старый и дребезжащий голос хозяина дома спрашивает: «Кто это приехал?» Какой-то женский голос отвечает громко, потому что князь Лопухин уже худо слышал: «Вяземский». – «Какой Вяземский?» – спрашивает тот же старческий голос. И та же женская речь раздается громогласно: «Сочинитель». Захотелось мне ворваться в комнату и также в свою очередь прокричать: «Не сочинитель, ваша светлость, а сын покойного приятеля вашего, князя Андрея Ивановича Вяземского».

Сюда напрашивается еще следующий рассказ. Один военный начальник строго выговаривал молодому подчиненному своему за то, что он занимается сочинениями и печатает себя в журналах. «Что это вздумалось тебе, – говорит он, – на это есть сочинители, а ты гвардейский офицер». Выговор может, разумеется, показаться довольно странным, но он не лишен некоторого основания и по общим принятым понятиям объясняется, если не вполне оправдывается. Знаменитый Манзони был почти того же мнения, но в другом отношении. Он говорил мне в Милане, в 1835 году, что со временем звание писателя совершенно упразднится и сольется со всеми другими званиями, потому что способность писать и привычка отдавать себя в печать, тогда нужно будет, общие принадлежности всех образованных людей. А надеяться

должно, что со временем все люди будут более или менее образованны. Из того, разумеется, не следует, что все будут поголовно поэты и отличные прозаики, как и ныне в числе словесных тварей не все Демосфены и Цицероны. Дело только в том, что авторство и письменность не будут особенностью и почетным исключением. Мы уже видим, что на Западе многие, не принадлежащие к касте так называемых литераторов, пишут и печатают свои записки (*memoires*), путевые впечатления, письма и так далее. Они литературою, так сказать, не промышляют и не живут, но все-таки они сподвижники в деле книгопечатания и признают Гуттенберга своим предком. Дело в том, что они просто люди грамотные и пользуются грамотою, как общим человеческим достоянием и домашним орудием.

Между тем когда на Западе грамотность или письменность вообще распространяется, творения собственно литературные падают более и более. В то самое время, когда литераторы перерождаются в публицистов и в политические лица, выделявая из литературы, то есть из журналистики, ступень для достижения парламентской трибуны, а от нее префектуры или министерского кресла, политические лица, депутаты, министры силою обстоятельств и общего давления втягиваются в журнальную и письменную деятельность. Там редко найти литератора, который был бы не что иное, как литератор, и довольствовался бы этим званием. Исключений так мало, что они в счет не входят. Из известных мне

во Франции, может быть, и есть только одно исключение, достойное особенной отметки, – это Сент-Бев¹. Едва ли не он один остался верен свободному, бескорыстному и наследственному служению. Еще назвать могу одно исключение, которое встречал я в Париже и в Риме, а именно поэта булочника Ребуля (Reboul). Это замечательная личность и по дарованию, и по добродушию и нравственным качествам. Впрочем, позднее и он был оторван от хлеба насущного и от хлеба духовного, но ненадолго: он был в округе своем избран в члены представительного собрания. Впрочем, куда ни посмотри, в Англии, в Германии, а в особенности во Франции, литература ныне не что иное, как средство и орудие. некогда могучая и самобытная республика письмен (la republique des lettres) занимает в настоящее время в статистике всемирной место едва ли не уступающее в значении и силе республике Сан-Марино, которую не заметил и, следовательно, не проглотил и сам Наполеон I. Все, что ныне читается с жадностью, разве это литература в прежнем смысле этого слова? Священнослужение обратилось более или менее в спе-

---

¹ Эти строки были написаны тому четверть века и более, В то время знавал я Сент-Бева в салоне г-жи Рекамье. Тогда был он, между прочим, поклонником, послушником и почти прислужником. Шатобриана. По смерти г-жи Рекамье и его, он изменил своему чистому призванию и своим верованиям. Он издал большую книгу о Шатобриане или скорее против Шатобриана. Он сжег то, что прежде обожал. Во время Второй империи он назначен был сенатором; но, впрочем, и тут, надобно сказать правду, умел он при всем этом сохранить некоторую независимость, оставался литератором и написал несколько превосходных критических и биографических статей. (Позднейшее примеч. П. А. Вяземского.)

куляцию и промышленность. Кто ныне пишет поэмы? Куда девалась трагедия? Сколько различных родов пиитики и статей литературного уложения пропало без вести! Исторические творения, как пишут их ныне Тьер, Ламартин, Луи-Влан, Мишле, даже литературные курсы, какие преподаются, например, парижскими профессорами, разве все это чистая и бескорыстная литература? Везде из-под литературной оболочки проглядывают политика, дух партий, задние мысли, гражданские и социальные утопии и прочее вовсе не литературное. Тут вспомнишь Крылова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.